АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

В.С. Комаровский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАГС, заслуженный деятель науки Российской Федерации (e-mail: komarovskiy@ur.rags.ru)

Аннотация. *Анализируется круг вопросов, связанных с определением Россией своего места в современном мире, своих друзей, соперников и конкурентов; вектора и перспектив развития, единения граждан вокруг базовых ценностей и принципов устройства общественной жизни.*

Ключевые слова: *политическая идентичность, гражданская нация, идеология, ценности, историческое наследие, модернизация, самодостаточность страны.*

Как отмечают многие отечественные и зарубежные специалисты, реальный прогресс в современном мире невозможен без ясного видения перспектив развития, прежде всего, политической идентификации страны, которая определяет общий смысл жизни нации-государства, служит укреплению солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает ценностные координаты политических действий.

Для России, которая менее двух десятков лет назад сменила вектор своего общественного развития, задача определения новых координат и ориентиров движения вперед, безусловно, одна из актуальных.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток эмигрантов, гигантский разрыв между бедными и богатыми, наследие распада СССР и многие другие факторы делают процесс политической идентификации России чрезвычайно сложным.

Теоретическим ответом на отмеченные вызовы политической идентичности является формирование и развитие концепта нация-государство (политическая нация, гражданская нация – Ю. Хабермас, многонародная

нация – И. Ильин, В. Тишков – применительно к России). При любом подходе политическая нация – это не государство, и не население государства – «демос», и даже не просто гражданское общество. **Это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью.**

Как нам уже приходилось отмечать, такого рода общность не сводится к формальному обретению паспорта и не может произвольно конструироваться кем бы то ни было. Она возникает как результат сложных процессов, в ходе совместной жизнедеятельности людей, что, конечно, не ставит под вопрос необходимость соответствующих усилий со стороны политических элит, государства по формированию политической идентичности страны, коллективного «мы».

Сформировавшаяся **политическая нация, коллективное «мы»** идентифицирует себя тремя кластерами общих представлений и убеждений.

Первый кластер существует в виде общих принципов, убеждений, норм и ценностей, определяющих основу совместного общежития населения страны, служащих основанием политической общности граждан, источником легитимности и суверенитета государства, лояльности граждан этому государству. Нация-государство в этом кластере представлена как идеальная и духовная целостность, «воображаемое политическое сообщество» (термин Б. Андерсона), определяющее вектор и задающее координаты деятельности политических акторов в настоящем и будущем.

«Воображаемое политическое сообщество» должно находить прямое и непосредственное отображение в конституции страны. Однако следует отличать конституцию как юридический документ и конституционализм как политическое явление. Конституция (вне зависимости от того, как она была принята) может быть «формальным» документов – в том смысле, что может не отражать реального согласия (единства) основных групп граждан относительно принципов, норм, убеждений, ценностей, лежащих в основе жизнедеятельности граждан общества и государства.

Конституционализм же предполагает именно согласие основных групп общества в отношении тех основ жизни общества и государства, которые фиксирует конституция.

Второй кластер общих представлений идентификации нации-государства связан с **маркированием границ «мы», определением себя через «Другого» («Они»)** – в чем и с кем именно **мы схожи, чем отличаемся** от другого и выявлением через это отражения собственной самобытности, своих национальных интересов и глобальных задач развития. Маркирование границ носит в большей части символический характер и осуществляется на основе укоренившейся в обществе культуре (в том числе политической); традиций, образцов для подражания, ценностей и норм. Для современного мира характерно тесное переплетение политических и культурных «маркеров» идентификации и даже предпочтение первых

вторым, что делает проблематичным сохранение культурной автономии не только мигрантов (пример – проблемы с мусульманским населением Франции), но и национальных меньшинств собственного государства (в качестве примера можно привести усилия украинского государства по вытеснению русского языка).

Третий кластер процесса политической идентификации определяется **интерпретацией прошлого и конструированием традиций.** Смысл интерпретации прошлого состоит в том, чтобы, с одной стороны, показать историческую преемственность существующего общественного и политического строя, а с другой – оттенить уникальность нации, ее судьбы и существующих институтов. Интерпретация прошлого служит вполне определенным политическим целям: легитимации национального политического проекта, политической мобилизации и интеграции масс. Интерпретацией прошлого занимается как государство, так и политическая элита страны, причем не только «переписывая историю», что часто наблюдается в кризисных и послекризисных ситуациях, смене вектора общественного развития, – но и путем конкретных акций в поддержку, сохранение тех или иных традиций, праздников, ритуалов. Интерпретация прошлого, хотя и осуществляется политическими элитами, тем не менее, ограничена укоренившимися в сознании большинства населения традициями, ценностями, нормами поведения. В равной мере это относится и к коллективному «Мы», воображаемому политическому сообществу, а также всему тому, что касается «Другого» («Они»). С тем добавлением и уточнением, что выбор исторического пути («Мы»), его детализация и «расшифровка» через понятие «Другой» («Они») ограничены не только ментальными особенностями населения, но и рядом других вполне объективных факторов (географией страны, в частности).

Итак, анализ политической идентификации России как нации-государства включает:

1) анализ общих принципов, норм и ценностей, служащих основами политической общности граждан (воображаемое коллективное «Мы»);

2) соотнесение коллективного «Мы» с другими нациями-государствами, с «Они»;

3) интерпретацию прошлого своей страны;

4) анализ возможностей и ограничений конструирования идентичности.

Проанализируем с обозначенных позиций основные составляющие процесса политической идентификации России.

Начнем с коллектива «Мы», уделив особое внимание анализу возможностей и ограничений его конструирования.

Воспринимают ли сегодня большинство россиян страну как коллективное «Мы»? Исследователи дают различные ответы на этот вопрос. Автор присоединяется (с оговорками) к позиции члена-корреспондента РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН, председателя Ко-

миссии по толерантности и свободе совести Общественной палаты Российской Федерации В.А. Тишкова: «Все государства мира считают себя национальными государствами, и России нет смысла быть исключением из их числа. Повсюду среди народа той или иной страны утверждается представление о нации независимо от расового, этнического и религиозного состава населения. Нация – это не просто продукт этнокультурной унификации и "длительного исторического формирования", а тем более это не кровно-биологическая субстанция, а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как о нации, ее ценностях, символах, устремлениях. Такие представления существуют в странах даже с более разобщенным населением, чем в России. В России же существует реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка, но усилия значительной части политической и экспертной элиты направлены на отрицание этой общности».

И далее: «Национальная идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство. После переустройства основ экономики и политической системы, Российская Федерация нуждается в обновлении доктринально-идеологической сферы обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности»[1].

Подытожим. Россияне ощущают себя «Мы». Но это еще не значит, что Россия уже выбрала свой скорректированный историей путь и знает, как по нему идти. (Невольно в памяти возникает аналогия по К. Марксу: класс в «себе» и класс «для себя».) Не говоря уже о прочности этого общего ощущения. Как явствует, хотя бы, из приведенной цитаты Тишкова, в элитных кругах России нет согласия относительно политической идентификации страны. Непрочно оно и в массовом сознании, хотя на первый взгляд вектор движения уже определен.

Представим данные проведенного совместного с Социологическим центром РАГС всероссийского репрезентативного исследования (в %, опрошено 1600 человек от 18 лет и старше в 20 регионах России. Опрос проводился с 9 по 16 июля 2007 г.).

В каком направлении, по вашему мнению, должно идти развитие России? *(Данные приведены в порядке убывания количества ответивших по позиции «Да».)*

Варианты ответа	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Не знаю
Следует искать собственный, особый путь развития России	47,6	24,7	5,4	6,4	15,9

[1] http: //www.valerytishkov.ru /cntnt/ publikasii3/ publikasii/o_rossisko.html.

Следует искать новые пути строительства социализма	13,7	13,2	19,4	24,5	29,2
Следует развивать капитализм, как в США и Западной Европе	8,6	13,6	18,4	30,9	28,5

После начала мирового кризиса, толчком к которому послужили трудности в финансовой сфере США, количество выбирающих первый ответ («следует искать собственный, особый путь») наверняка увеличилось. И, тем не менее, это еще не ответ на вопрос: «Каков этот "особый путь", где его корни?». Специалисты чаще всего отвечают: прежде всего, в истории, географии, психологическом складе нации. С историей тоже не просто. С одной стороны, история нас, скорее, разъединяет, чем объединяет. Отношения в обществе к ключевым событиям прошлого столетия – Октябрьской революции, наследию коммунизма и событиям 90-х годов – неоднозначно. Об этом свидетельствуют как данные многочисленных социологических исследований, так и своего рода телевизионный форум «Имя России», в котором приняли участие десятки тысяч граждан. Несмотря на то что некоторых лидеров прошлого усиленно продвигали ведущие, попадание в тройку лидеров Столыпина и Сталина говорит о многом. Даже с учетом того, что в отличие от Украины, некоторых других стран постсоветского пространства, прошлые исторические события уже не воспринимаются в России так остро, как это было еще недавно.

С другой стороны, история нас действительно объединяет. Она дает нам множество доказательств и подтверждений нашей самобытности, неповторимости, способности дать свой ответ на вызовы времени. Лишь один пример в подтверждение. Можно по-разному относиться к недавнему советскому прошлому. Но факт остается фактом: Россия (в облике СССР) к середине XX в. была единственной страной в мире, которая осуществила модернизацию, не попав в зависимость от Запада, соединив коллективистскую ценностную парадигму с парадигмой модерна. Сегодня мы снова стоим перед тем же самым вызовом.

Теория возможности построения социализма в отдельно взятой стране фактически исходила из самодостаточности СССР. Самодостаточна ли Россия? По многим параметрам – да (территория, военная мощь, интеллектуальный потенциал и т. д.). В то же время кризис показал, насколько мы уязвимы от внешних воздействий. Уязвимы не только потому, что население России чуть ли не в два раза меньше, чем СССР, что растеряли большинство своих технологических достижений и т. д. Уязвимы и потому, что не обладаем собственным видением ответов на вызовы современного мира.

Мы часто обижались на Запад за то, что он игнорирует наши интересы. Но как их не игнорировать, если нередко мы не можем их четко сформули-

ровать даже для самих себя? Лишь в последние годы Россия стала выступать с инициативами и предложениями крупномасштабного, глобального характера, такими, как создание системы коллективной безопасности в Европе или пула региональных валют. И эти предложения встречены многими лидерами стран Западной Европы позитивно.

Для того чтобы Россия могла жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, религией, надо, прежде всего, решить немало внутренних проблем.

Притязания на особую роль, статус великой державы требуют своего материального и духовного подкрепления. Но то, что после неизбежного падения цен на нефть экономика России попала в кризисное состояние, говорит само за себя. Конечно, можно во всем обвинить финансовых тузов США, которые надули «финансовый пузырь». Но надо отдавать себе отчет и в том, что не будь этого пузыря, не было бы таких дешевых кредитов для наших корпораций, как не было бы таких запредельно высоких цен на нефть. Далее, чтобы быть самостоятельным центром силы, надо располагать привлекательными образцами, социальными институтами и технологиями решения проблем современного общества.

СССР долгое время был привлекательным образцом не только для стран «третьего мира» (поскольку показал, как можно быстро модернизировать страну за счет внутренних резервов, не попадая в зависимость от Запада), но и для определенных групп населения Запада, поскольку создал уникальную систему образования, здравоохранения, предвосхитил многие устои, на которых зиждется социальное государство западного типа. Сегодня Россия не располагает такого рода ноу-хау (социальными технологиями), не может продемонстрировать новые оригинальные способы решения актуальных для современного мира проблем.

Для страны, претендующей на роль самостоятельного центра силы, не менее важна и духовная составляющая. Быть центром притяжения для других стран и народов не только почетно, но и накладно, поскольку за это нужно платить тем или иным образом. Готов ли на это идти российский народ? Однозначно, нет. По данным нескольких социологических исследований, значительная часть населения России считает, что страна ничего не потеряла бы, сбросив с себя такую «обузу», как северокавказские республики, которые на 70–80% дотируются из федерального бюджета. Сегодняшняя Россия не может (не способна) снова стать ядром, объединяющим большую группу стран, что, конечно, не исключает ее особых интересов на пространстве СНГ.

В прошлом, будучи ядром социалистического блока с населением свыше 300 млн человек, она могла претендовать на эту роль. Теперь у страны, население которой немногим более 140 млн (и которое к тому же еще только должно перестать сокращаться), для этого нет ни времени, ни сил.

Сказанное вовсе не означает, что России в дальнейшем уготована роль второразрядного государства. Она была и остается одним из мировых лидеров влияния (о чем убедительно свидетельствуют, в частности, результаты работы над проектом «Политический атлас современности» группы специалистов МГИМО[1]). Сегодня у России есть возможность выбора из нескольких вариантов:

– она может пойти на дальнейшее сближение с Китаем (определенные шаги в этом направлении делаются. Достаточно сказать о строительстве в Сибири трубопровода для поставки энергоносителей в Китай);

– может попытаться «остаться над схваткой» и не вступать в союзнические отношения ни с одним из мировых центров сил – будь это Запад, Китай или исламский мир;

– может «повернуться лицом к Западу», Европе, ЕС, в первую очередь.

События последних месяцев заставляют обратить пристальное внимание на один из путей – сближение с Западом, точнее, с объединенной Европой. Это тем более актуально, поскольку Европа, Запад для России почти на протяжении всей ее истории были тем значимым «другом», глядя на которого, она уясняла собственное «Я». Естественно, что на этот счет должно быть принято политическое решение, и заинтересованность в сближении должна быть обоюдной.

Что хочет Россия от ЕС? Плодотворного и многостороннего сотрудничества, но при этом оставаться самой собой – Россией.

Что в этом случае хочет ЕС от России? «Брюссель хочет видеть Москву в первую очередь **как партнера по ценностям** (выделено нами. – *В.К.*). Если сказать прямо, то ситуация выглядит следующим образом. С Китаем ЕС готов сотрудничать прагматично, исходя из чисто экономических интересов. От России Европа требует высоких демократических показателей. Запад не может жить спокойно, когда на границах Европы существует государство, где наблюдаются тоталитарные тенденции. Поэтому она будет нажимать на Россию, чтобы сделать ее похожей в своем экономическом и политическом развитии на Запад. Только тогда возникнет доверие между ЕС и Россией». Это выдержка из статьи видного немецкого публициста Александра Рара, опубликованной в «Российской газете» в ноябре 2006 г. под заголовком «Холодок из Германии».

Согласно такому подходу, идеологический спор между Россией и Западом после окончания холодной войны не завершен. В соответствии западным трактовкам он возродился в форме противостояния политического либерализма и автократии. Одну сторону представляют прежде всего США и Западная Европа, другую – Китай и Россия[2].

---

[1] См.: Политические исследования. – 2006. – № 5.

[2] См., например: *Kadan, P.* End of Dreams, return of History. – Policy review. 2007. – N 144.

Завершение этого спора в ближайшем будущем не предвидится. Россия сегодня не может стать либеральной демократией западного образца, даже если бы и захотела. Отвечая таким образом, специалисты чаще всего ссылаются на историю, географию, традиции, менталитет, природу, особую роль государства в жизни общества.

На наш взгляд, важнее всего то, что в России нет и экономических предпосылок для демократии западного типа. В последние годы специалисты дают много определений демократии (вроде «конкуренция элит») и забывают исходное: демократия – это власть народа и для народа. Если на Западе демократия сегодня и не власть народа, то уже точно власть в интересах большинства, среднего класса. В отдельных развитых странах до 70% ВВП создается на мелких и средних предприятиях, т. е. «середняк» – это экономически господствующий класс, игнорировать его интересы никто не может. Особенно с учетом того, что к малым и средним предпринимателям примыкают люди интеллектуального труда, чьи знания в нынешних условиях тоже собственность, капитал.

В западных странах и численно средний класс составляет большинство – в отличие от России, где по самым оптимистичным оценкам он не дотягивает и до четверти населения, не говоря уже о его составе.

Больше точек соприкосновения у России и Запада в сфере интересов. Как заявил один из видных западных политиков, мы должны сотрудничать с Россией в сфере экологии, предотвращения терроризма, ядерного разоружения так, как будто у нас нет никаких разногласий по вопросам демократии и прав человека, и наоборот. Последние заявления лидеров Запада, включая президента США, свидетельствуют о готовности признавать законные интересы России.

Общий вывод. Точку в вопросе сближения России с Западом ставить рано, тем более что сам он, безусловно, начал сильно изменяться. Рейгономика, безграничный либерализм в экономике уходят в прошлое – со всеми далеко идущими последствиями. Россия тоже не может не меняться. Политический режим, сформировавшийся в последнее десятилетие, обеспечил стране определенный уровень стабильности, но не развития.

Как отмечают специалисты, сегодня «Россия недопустимо отстает от развитых стран не только по производству инновационных товаров, но и по научно-инженерной разработке, не только по объемам расходов на НИОКР, но и по их доле в ВВП»[1]. Лишь один пример в подтверждение: расходы на НИОКР даже Индии почти в два раза превосходят расходы России (не говоря уже о Штатах или Японии, которые превосходят нас по этому параметру в десятки раз).

[1] Экономическая наука современной России. – 2008. – № 4. – С. 9.

Список литературы

Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
Россия в глобальных процессах: поиски, перспективы. – М., 2008.
Россия и Запад: что разделяет? – М., 2009.

© Комаровский В.С., 2009

П.Н. Киричёк

ПОД ЗНАКОМ ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ
Информационный фактор административной реформы

КИРИЧЁК Пётр Николаевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и деловых коммуникаций РАГС (e-mail: kirichek@ur.rags.ru)

Аннотация. *В статье рассказывается о ходе и результатах административной реформы на основе ее отражения в отечественных средствах массовой информации. Подчеркивается роль информационного фактора в процессах самосохранения и развития общества, а также его определяющее значение для достижения высокой эффективности реформирования административной системы. Подводятся итоги проведенного автором экспертного опроса по поводу идеологии и технологии административной реформы, которые группируются в таблицах и сопровождаются развернутым комментарием. В аналитическом плане рассматриваются газетные публикации федеральных, региональных, муниципальных средств массовой информации, затрагивающие вопросы и проблемы реализации замысла административной реформы. Обосновывается необходимость привлечения к процессу реформирования социальной (народной) энергетики позитивного характера.*

Ключевые слова: *административная реформа, информационный фактор, коммуникация «власть – народ», демократическая пресса, объективная информация, социальная энергетика, фигура умолчания, информационная политика.*

В век информации публичность большого дела становится, по существу, половиной его успеха. Позитивный имидж общественного или государственного почина придает ему дополнительный импульс и сообщает инерцию его движению к цели. Этим свойством социальной индукции по всем признакам обладает федеральная, региональная, местная пресса, но реали-